

УДК 930:355/359.07

DOI: 10.24866/1998-6785/2017-4/68-84

Авилов Р.С.
Avilov R.S.

Развитие военно-сухопутных сил России на Дальнем Востоке в 60–70-х гг. XIX в.: внешнеполитический фактор

The development of the Russian ground forces in the Far East during the 1860s
and 1870s: the influence of the foreign-policy factor

В статье на материалах ГАРФ, РГВИА и РГИА ДВ анализируется влияние внешнеполитического фактора на развитие военно-сухопутных сил России на Дальнем Востоке в 60–70-х гг. XIX в. Исследуется влияние Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и Кульджинского кризиса на количественный и качественный состав группировки русских войск в регионе. Проведённое исследование показало, что с конца 40-х гг. XIX в. внешнеполитический фактор оказывал заметное влияние на развитие военно-сухопутных сил Российской империи на Дальнем Востоке. После Маньчжурской войны 1868 г. его роль резко возросла, а после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. он приобрёл решающее значение, став определяющим.

Ключевые слова: *Восточная Сибирь, Дальний Восток России, русская армия, военные реформы, Восточный Сибирский военный округ, внешняя политика России*

Using sources from the NARF, RSMHA and RSHA FE, this article examines the influence of the foreign-policy factor in the process of development the Russian ground forces in the Far East during the 1860s and 1870s. It concerns the influence of the Russia-Turkish War of 1877–1878 and the Ili Crisis to the number and the strength of the Russians forces in this region. The full-scale study had shown that from the later 1840s the foreign-policy factor have a real influence with the process of Russian ground forces' development in the Far East. After the Mansa War of 1868, the role of it had rather increased, and then, after the Russia-Turkish War of 1877–1878 it took a decisive character.

Key words: *East Siberia, Russian Far East, Russian Army, military reforms, East Siberian Military District, Russian foreign policy*

Военная история и история внешней политики России традиционно являются одними из важнейших направлений исследований в области отечественной истории. Однако при изучении истории российских военных реформ 2-й половины XIX в.¹ исследователи далеко не всегда уделяют достаточное внимание анализу влияния внешнеполитического фактора на принимаемые решения. Проводимые преобразования часто рассматриваются исключительно в рамках внутривосточных процессов.

АВИЛОВ Роман Сергеевич, к.и.н., научный сотрудник ИИАЭ ДВ ДВО РАН (г. Владивосток). **E-mail:** avilov-1987@mail.ru

¹ Все даты приведены по юлианскому календарю, т.е. по старому стилю. В отдельных случаях в скобках также указана дата по григорианскому календарю, т.е. по новому стилю.

сов, в то время как именно внешнеполитический фактор мог являться определяющим при постановке целей и задач проводимых мероприятий. Соответственно, недооценка его роли может привести к неточной оценке проводимых преобразований в целом. В значительной степени это относится и к истории развития военно-сухопутных сил России в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Поэтому цель данной статьи – осветить роль внешнеполитического фактора в этом процессе.

Активизация внешней политики России на Дальнем Востоке в 50-е гг. XIX в. была вызвана, прежде всего, резко изменившейся ситуацией в регионе, поскольку политика Великобритании и Франции, направленная на усиление влияния в Китае, начала всерьёз угрожать безопасности восточных границ империи. Соперничество переросло в открытую фазу в период Крымской войны 1853–1856 гг., когда союзники попытались высадить десант сначала на Камчатке, а потом и в заливе Де-Кастри. Это впервые в XIX в. поставило вопрос о повышении обороноспособности российских дальневосточных рубежей и привело, в итоге, к занятию войсками территории Приамурья, а затем и Южно-Уссурийского края (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 190. Л. 18–19).

Подписание Айгунского (1858 г.) и Пекинского (1860 г.) договоров между Россией и Китаем окончательно разрешило так называемый «амурский вопрос» и дало возможность начать планомерную деятельность по освоению этих территорий, которая в первое время легла на плечи переброшенных туда войск. Однако это отнюдь не означало, что внешнеполитическая ситуация на Дальнем Востоке перестала вызывать опасения в Петербурге.

Поражение Китая во второй «опиумной войне» (англо-франко-китайская война 1856–1860 гг.) привело к резкому усилению влияния в этой стране англичан и французов, что не могло не вызвать беспокойства у российских властей. Последние прекрасно понимали, что Великобритания и Франция недовольны тем, что наибольшие, по их мнению, выгоды от этой войны получила именно Россия, присоединив территорию Южно-Уссурийского края. Как мрачно заметил один из английских дипломатов того времени: «Ещё несколько удачных компаний наших войск – и половина Китая окажется в руках Александра II» [30, с. 394]. Это, наряду с усилением влияния этих государств в Цинской империи, грозило постоянными подстрекательствами как центральных, так и местных китайских властей к действиям против России в интересах западных держав.

Вызывало опасение и постепенное увеличение числа китайских портов, открытых для посещения английскими военными кораблями, что *de facto* делало их военно-морскими базами для возможных операций против российского тихоокеанского побережья¹. Это давало возможность в любой момент нанести удар по территории российского Дальнего Востока при обострении русско-британских отношений, как это было во время Крымской войны 1853–1856 гг.

¹ Если по англо-китайскому Нанкинскому договору от 29 августа 1842 г. (по н. ст.) это были Кантон/Гуаньчжоу (Canton, Guangzhou), Амой/Сямьнь (Amoy), Фучжоу (Foochow), Нингпо/Нинбо (Ningpo) и Шанхай (Shanghai), а также Гонконг (Hong-kong), т.е. о. Сянган, то по Тяньцзиньскому договору от 26 июня 1858 г. (по н. ст.) к ним добавились Ньючжуан (New-Chwang), Танчжоу (Tang-chow), Шаньтоу/Сватоу (Chau-chow), а также порты на о-вах Тайвань/Формоза (Tai-wau/Formosa) и Хайнань (Kiung-chow/Hainan), а по Пекинскому договору от 24 октября 1860 г. (по н. ст.) Китай отдавал во «владение» Великобритании, в дополнение к Гонконгу, часть п-ова Цзялуи/Цзюлуи/Колун (Cowloon) в провинции Гуандун (Kwang-tung), а британские войска получили право оккупации города Тяньцзиня (the city of Tien-tsin), фортов Дару (forts of Takoo), северного побережья Шаньдунского п-ова (the north coast of Shang-tung) и Кантона (the city of Canton) до выплаты Китаем контрибуции [35, p. 1–3, 8–20; 37, p. 401, 415].

Для соперников России дальнейшее ослабление Цинской династии и её возможное падение было чревато частичным распадом Дайцинской империи с последующим переходом территорий Синьцзяна и Внутренней Монголии под влияние России, с высокой вероятностью их включения в состав Российской империи, а также невыполнением значительных политических и торговых уступок, полученных от Китая во время последней войны. Поэтому Великобритания и Франция диаметрально меняют своё отношение к правящей в стране династии. Ведь именно она являлась гарантом выполнения только что подписанных выгодных соглашений. Соответственно, после 1860 г. западные державы приняли самое непосредственное участие в подавлении восстания тайпинов. И если помощь европейцев в переброске правительственных войск в различные пункты занятого тайпинами побережья и артиллерийская поддержка их действий с моря не имели для России какого-либо значения, то появление в Китайской армии английских инструкторов, обучавших солдат обращению с современным огнестрельным оружием, уже вызвало серьёзные опасения с российской стороны [16, с. 158–198; 36, р. 123–266]. При критически малой численности войск на российском Дальнем Востоке в этот период они могли противостоять только недостаточно обученным и плохо вооружённым китайским отрядам, но никак не армии европейского типа с огнестрельным оружием, пусть даже армии очень низкой степени выучки.

Ситуация осложнялась и наличием на территории Южно-Уссурийского края значительного (по сравнению с русскими войсками) китайского населения, категорически не желавшего признавать российский суверенитет над этими территориями. Пекинский договор 1860 г. предусматривал, что если бы на вошедших в состав России территориях «оказались поселения Китайских подданных, то Русское Правительство обязуется оставить их на тех же местах, и дозволить по-прежнему заниматься рыбными и звериными промыслами» (ст. 1). Более того, в соответствии со ст. 8 совершившие проступки и преступления китайские подданные должны были судиться по китайским законам. Это существенно ограничивало возможности местной власти по контролю за находившимся на российской территории китайским населением. Впрочем, положение распространялось только на осёдлое китайское население, да ещё и занимающееся «рыбными и звериными промыслами», каковым большая часть находящихся в России китайцев как раз не являлась [29, с. 161–167]. Этот факт вполне можно было использовать для установления хотя бы элементарного контроля над китайцами на территории Южно-Уссурийского края, чего, однако, сделано не было.

Такое положение дел привело в итоге к открытому военному столкновению в Южно-Уссурийском крае между китайцами-золотоискателями, полностью игнорировавшими российское законодательство, и русскими сухопутными и морскими силами, получившему в историографии название Манзовская война 1868 г. Жертвы среди военных, моряков и мирного населения, а также полнейшая невозможность местных властей в Маньчжурии предпринять хоть какие-то серьёзные меры по поимке и наказанию ушедших на территорию сопредельного государства банд заставили, наконец, российские власти заняться решением застарелой проблемы. Были предприняты меры по изучению находящегося на территории Южно-Уссурийского края китайского населения (численность, местонахождение) и рода его занятий (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 160. Л. 1–7) [5, т. 15, с. 165–167; 17; 21, с. 208–218]. Кроме того, в крае была увеличена численность русских войск. Обеспечить полный контроль над ситуацией они не могли по причине малой численности и недостаточного знания местности. Поэтому банды хунхузов продолжа-

ли тревожить местное население, причём далеко не только русское [8, с. 73–131], а «призрак» новой Манзовской войны продолжал преследовать местные военные власти во время всех внешнеполитических осложнений вплоть до Русско-японской войны 1904–1905 гг. включительно. Об опасности восстания китайцев в долине р. Сучан писал во время Кульджинского (1879 г.) и Савёловского (1882 г.) кризисов Д.Г. Анучин (РГВИА. Ф. 1447. Оп. 2. Д. 31. Л. 42–43) [28, с. 104], а в 1905 г. местные власти Приморской области боялись уже восстания китайских рабочих на Сучанских каменноугольных рудниках (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1541. Л. 74–74 об.).

Манзовская война 1868 г. стала знаковым событием в истории военно-сухопутных сил России на Дальнем Востоке, обусловив постепенное возрастание роли внешнеполитического фактора в процессе их развития. До неё, со времён Крымской войны 1853–1856 гг., практически все меры по совершенствованию русских войск и системы управления ими проходили в рамках общероссийских военных реформ. Так, создание в 1865 г. Восточно-Сибирского военного округа, территориально совпавшего с одноимённым генерал-губернаторством, было частью третьего этапа общероссийской военно-окружной реформы [3, с. 18–25].

Проводившиеся параллельно преобразования войск также целиком проходили в рамках «милютинских» военных реформ. Вместе с документами по созданию Восточно-Сибирского военного округа Александр II 6 августа 1865 г. утвердил и всю нормативно-правовую базу по необходимым преобразованиям в войсках, расположенных на территории Восточной Сибири. [22, т. 40, №№ 42369, 42371]. Их реализацию командующий войсками округа М.С. Корсаков начал практически на следующий день после «юридического» образования нового округа – 1 сентября 1865 г. (РНБ. Приказ по войскам сухопутным и морским Вост.-Сиб. в. о. № 405 от 31 августа 1865 г.; Приказ по войскам сухопутным и морским Вост.-Сиб. в. о. № 1 от 1 сентября 1865 г.).

Утверждённое императором Высочайшее повеление «О преобразовании местных войск с их управлениями в Западной и Восточной Сибири» представляло собой комплексную реформу местных войск на данной территории, в целом направленную на их унификацию с местными войсками на остальной части империи (РНБ. ПВВ № 281 от 6 августа 1865 г.) [22, т. 40. № 42369]. Об этом свидетельствует то, что резервные пехотные батальоны формировались на основании «Положения о резервных батальонах», утверждённого Александром II 6 августа 1864 г. [22, т. 39. № 41166] в рамках общероссийской реформы резервных войск [9, с. 77–78; 34, р. 23–29], а губернские батальоны и местные команды – на основании принятого тогда же «Положения о губернских батальонах и уездных командах» [22, т. 40, № 41166]. После упразднения Отдельного корпуса внутренней стражи именно на эти батальоны и команды должно было лечь «исполнение гарнизонной службы в городах и охранение внутреннего спокойствия и порядка, при пособии полевых войск, где последние будут находиться» (РНБ. ПВВ № 241 от 13 августа 1864 г.). Поскольку эта реформа происходила практически синхронно с военно-окружной, то почти на всей территории Европейской части России она была проведена в 1864 г., а в Восточной Сибири к ней приступили лишь в 1865 г. При этом преобразования в войсках Восточной Сибири имели ряд особенностей [22, т. 40. № 42369] (РНБ. ПВВ № 281 от 6 августа 1865 г.).

В округе формировался 72-й пехотный резервный батальон, местом постоянной дислокации которого должен был стать г. Иркутск. Упразднены были Иркутская и Красноярская местные команды, вместо которых

в этих же населённых пунктах формировались губернские батальоны 4-ротного состава. Наравне со всеми губернскими батальонами в Российской империи, им были присвоены номера – 52-й и 53-й губернские батальоны, соответственно¹.

В рамках реформы местных войск в Западной и Восточной Сибири было принято и новое расписание местных, этапных, крепостной и постовых команд, в соответствии с которым, после окончания преобразований, в Восточном Сибирском военном округе должны были остаться: 10 местных, 28 этапных, 1 крепостная и 5 постовых команд. Были утверждены и внедрены новые штаты пехотных, резервных и губернских батальонов, а также всех местных, этапных, крепостной и постовых команд [22, т. 40, № 42369] (РНБ. ПВВ № 281 от 6 августа 1865 г.; **Приказ по войскам сухопутным и морским Вост.-Сиб. в. о. № 1 от 1 сентября 1865 г.**).

В задачи местных команд входили как полицейские функции, так и первоначальная оборона ряда стратегически важных населённых пунктов округа, крепостная команда была создана специально для поддержания в должном состоянии укреплений Николаевска-на-Амуре и противодействия возможному проникновению в р. Амур неприятельских кораблей. Постовые – для занятия некоторых важнейших постов на территории Южно-Уссурийского края с целью демонстрации там российского военного присутствия и первоначальной обороны в случае нападения противника. Этапные команды предназначались для конвоирования заключённых и были разбросаны по населённым пунктам вдоль всей части Сибирского тракта, проходящей по территории округа (РНБ. ПВВ № 241 от 13 августа 1864 г.)

Преобразования не обошли стороной и линейные батальоны Восточной Сибири². В соответствии с Высочайшим повелением от 6 августа 1865 г. они были переименованы в Восточно-Сибирские линейные батальоны. По аналогии с войсками на остальной территории империи им было присвоено три состава: военный, усиленный мирный и обыкновенный мирный и, соответственно, новые штаты. При этом, исходя из военно-политической обстановки, эти батальоны сразу переводились на усиленный мирный состав [22, т. 40, № 42371] (РНБ. ПВВ № 283 от 6 августа 1865 г.; **Приказ по войскам сухопутным и морским Вост.-Сиб. в. о. № 3 от 1 сентября 1865 г.**). Казачьих войск переформирования практически не коснулись [22, т. 40, № 42816] (РНБ. ПВВ № 461 от 23 декабря 1865 г.).

По официальным данным на 25 января 1866 г. в Восточно-Сибирском военном округе находились как регулярные, так и иррегулярные, т.е. казачьи войска, общая численность которых определялась в *регулярных*: 9 батальонов, 1 рота, две батареи и горный дивизион, $\frac{1}{2}$ артиллерийского парка и 44 команды, и *иррегулярных*: $3\frac{3}{4}$ пехотных батальона, 35 конных сотен, 16 орудий и $2\frac{1}{2}$ пешие сотни³ [23, с. 227–228]. Сред-

¹ Практически во всей литературе по истории Восточной Сибири и Дальнего Востока они фигурируют под названиями Красноярский и Иркутский губернские батальоны. Причём, характерно, что именно это наименование было вынесено и в заголовок штатов, по которым их надлежало формировать – очевидно, во избежание путаницы.

² «Линейные батальоны» в русской армии XIX в. – это особый вид пехотных частей, которые изначально несли службу в укреплённых оборонительных линиях, откуда и получили своё название. В дальнейшем они существовали вне зависимости от наличия «линии», и использовались преимущественно для охраны границ на периферии империи: в Финляндии, на Кавказе, в Западной и Восточной Сибири и т.д. [5, т. 14, с. 636].

³ Регулярные были представлены шестью батальонами пехоты (1-й–6-й Восточно-Сибирские линейные батальоны), одним резервным батальоном (72-й резервный пехотный батальон), двумя губернскими батальонами (Красноярский и Иркутский). Кроме того, в Енисейской губернии было еще 4 местных и 9 этапных команд, в Иркутской – 2 и

негодовой списочный состав нижних чинов регулярных войск округа в 1865 г. составлял 7798 чел. (РНБ. Ведомость о числе больных, умерших, бежавших и выключенных в неспособные нижних чинов регулярных войск Восточной Сибири. За 1864 г., январь – апрель 1865 г. // приложены к Приказам по войскам сухопутным, казачьим и морским Восточной Сибири за 1865 г. – *Подсчёт мой А.Р.*).

После Манзовской войны 1868 г., продемонстрировавшей достаточно низкую степень боеспособности Восточно-Сибирских линейных батальонов (не занимавшихся систематической боевой подготовкой вследствие отсутствия времени, сил и возможностей, которые почти целиком уходили на хозяйственные дела) [4, с. 85], крайний недостаток артиллерии и затруднительность быстрой переброски пехотных частей к месту боёв по причине их сильной рассредоточенности и практически полного отсутствия в крае дорог, ситуация начала меняться.

Поскольку, с точки зрения местных военных властей, вероятность повторения серьёзных столкновений с крупными бандами хунхузов и китайским населением, постоянно проживающим на территории Южно-Уссурийского края, была достаточно высокой, командующий войсками округа М.С. Корсаков инициировал проведение ряда мероприятий, вызванных исключительно местными военными нуждами. Для усиления артиллерии в Южно-Уссурийском крае, в 1868 г., горный дивизион 2-й лёгкой батареи линейной Забайкальской артиллерийской бригады был передвинут из Благовещенска в пост Камень-Рыболов, а дислокация пехотных частей – изменена с учётом опыта боевых действий.

Одновременно М.С. Корсаков разработал целый комплекс мер по обеспечению безопасности региона и представил их летом 1868 г. на рассмотрение в столицу. Среди них значилось и «обеспечение границ Южно-Уссурийского края от внешних вторжений, через образование для того особого пограничного конного дивизиона». Создание такой воинской части являлось наиболее простым, быстрым и не требующим больших финансовых затрат выходом из сложившейся ситуации: недостаток артиллерии можно было ликвидировать лишь путём переброски артиллерийских частей из Европейской России, кардинальное изменение дислокации имевшихся на Дальнем Востоке войск было невозможно по стратегическим соображениям из-за их чрезвычайно малого количества, а улучшить транспортную инфраструктуру в ближайшие годы, если не десятилетия, имевшимися силами вообще не представлялось возможным.

В результате, 24 мая 1869 г. Александр II распорядился создать для защиты границ Южно-Уссурийского края Уссурийскую казачью конную сотню, что и было сделано к лету 1870 г. Местом её дислокации

16, в Забайкальской области – 4 и 3 команд, соответственно, а в Приморской – 1 крепостная и 5 постовых команд. Полевая артиллерия в округе была представлена Забайкальской линейной артиллерийской бригадой в составе батарейной батареи (в тот период времени артиллерийские батареи по калибру орудий были разделены на лёгкие и батарейные, т.е. тяжёлые [32, с. 364-365]) с горным дивизионом и легкой батареей, а также подвижным артиллерийским полупарком, а в Николаевске находилась ещё и Николаевская крепостная артиллерийская команда. Регулярная кавалерия в округе отсутствовала. Требовавшие существенно меньше затрат на содержание казачьи войска были более многочисленными. В Забайкальском казачьем войске от 6 конных полков на службе состояли в общей сложности 17 сотен, от 12 пеших батальонов – 3 батальона. Имелась в составе войска и конно-артиллерийская бригада 2-батарейного состава. Амурское казачье войско было меньшим по численности: от 2 конных полков на службе состояли в общей сложности 5 сотен, а от 2 пеших батальонов – 3 роты. Кроме того, в округе существовала бригада в составе Иркутского и Енисейского казачьих конных полков: 2 полка 6-сотенного состава; в подчинении гражданского начальства находились Якутский городской пеший полк – 2,5 сотни на действительной службе и Камчатская казачья команда – 1 сотня [23, с. 227-228].

стал пост Камень-Рыболов, где она вместе с 3-м Восточно-Сибирским линейным батальоном составила ядро военных сил России, охранявших обширную территорию к западу и юго-западу от оз. Ханка [2, с. 9–14].

Примерно в это же время началось и предложенное М.С. Корсаковым усиление в округе артиллерии. Весной 1869 г. было утверждено положение «о переформировании батарей линейной Забайкальской бригады в 4-х фунтовые и о сформировании из состоящих при них горных дивизионов горной батареи». Предполагалось из состоящих при батареях бригад горных дивизионов сформировать горную батарею по обыкновенному мирному составу, а затем обе остальные батареи переформировать в батареи с 4-х фунтовыми пушками, и «означенной бригаде присвоить наименование Восточно-Сибирской артиллерийской бригады» [22, т. 44, № 46915] (РНБ. ПВВ № 123 от 6 апреля 1869 г.; **Приказ по войскам Вост.-Сиб. в. о. № 171 от 26 мая 1869 г.**).

По данным на 25 марта 1870 г., штаб сформированной бригады находился в г. Благовещенск. Дислокация, вооружение и подчинение батарей осталось неизменным, а на перевооружение бригады были отправлены новые 4-х фунтовые казнозарядные орудия. Что касается сформированной горной батареи в составе 8 горных 3-х фунтовых казнозарядных орудий, то её официальным местом квартирования стал Владивосток, где находился один её взвод. Остальные располагались: один взвод в посту Камень-Рыболов, другой – на о. Сахалин, третий – в урочище Новокиевское [24, с. 132]. К лету 1875 г. на вооружении 1-й и 2-й батарей Восточно-Сибирской артиллерийской бригады уже стояли 8 нарезных 4-х фунтовых казнозарядных орудий. 1-я батарея дислоцировалась в г. Верхнеудинск, и была по-прежнему прикомандирована к конно-артиллерийской бригаде Забайкальского казачьего войска. 2-я – в г. Благовещенск. Местом квартирования горной батареи числилось урочище Новокиевское. При этом 4-й её взвод находился в посту Камень-Рыболов на берегу оз. Ханка, 5-й – в посту Корсаков на о. Сахалине [25, с. 145]. Дислокация 1-й и 2-й батарей оставалась неизменной до 1878 г., когда 1-я батарея была переброшена из г. Верхнеудинск в г. Благовещенск, на замену 2-й батареи, которая 6 марта 1877 г. прибыла во Владивосток. Местом квартирования горной батареи считалось урочище Новокиевское, при этом 4-й её взвод находился в посту Камень-Рыболов, а 5-й – в посту Корсаков на о. Сахалин [25, с. 139, 185; 26, с. «изменения»; 27, с. 179]. Такое, кажущееся странным на первый взгляд, рассредоточение артиллерии на большей части территории Восточно-Сибирского военного округа, при слабо развитой военно-транспортной инфраструктуре было, во многом, оправдано. Оно позволяло, в случае необходимости, иметь хотя бы несколько орудий именно там, где они нужны или на расстоянии нескольких переходов от этого места, а не в тысяче вёрст от него.

Однако на протяжении 70-х гг. XIX в. мероприятия по изменению количественного и качественного состава русских войск на Дальнем Востоке, вызванные исключительно местной необходимостью, к которым относились формирование Уссурийской казачьей конной сотни и создание Восточно-Сибирской артиллерийской бригады, ещё перемежались преобразованиями, проводимыми в рамках продолжавшихся в стране «милютинских» военных реформ. Так, например, в связи с ликвидацией в русской армии всех резервных батальонов [9, с. 276–277; 34, с. 23–29] 72-резервный пехотный батальон был переброшен из Иркутска в Благовещенск и переформирован в 72-й Благовещенский губернский батальон [22, т. 48, № 52495] (РНБ. ПВВ № 219 от 24 июля 1873 г.; **Приказ по войскам Вост.-Сиб. в. о. № 192 от 12 сентября 1873 г.**). Прибыл он туда в 1874 г., а в январе 1876 г. был переименован в Благовещенский

местный батальон [22, т. 51. № 55451] (РНБ. ПБВ № 12 от 14 января 1876 г.; Приказ по войскам Вост.-Сиб. в. о. № 56 от 28 февраля 1876 г.). В результате Благовещенск стал местом квартирования первого и единственного в дореволюционный период на территории российского Дальнего Востока местного батальона. Внешнеполитический фактор ещё не стал в эти годы доминирующим, поскольку в начале 70-х гг. XIX в. ситуация на Дальнем Востоке не вызывала у российских политиков серьёзных опасений. Япония, начавшая активную внешнюю политику в регионе (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 190. Л. 19 об.), рассматривалась скорее не как потенциальный противник, а как потенциальный союзник. Наглядной иллюстрацией этого служит то, что крейсерские отряды из состава Балтийского флота, регулярно сменявшие друг друга на Тихом океане, зимовали именно в японских портах, главным образом в Нагасаки [19, с. 63; 33, р. 669].

В 1876 г. период относительной внешнеполитической стабильности на российских дальневосточных границах закончился – начало сказываться обострение ситуации на Балканском полуострове. Ещё 29 октября 1876 г. военный министр Д.А. Милютин проинформировал командующего войсками Восточно-Сибирского военного округа П.А. Фредерикса, что необходимо подготовить план оборонительных мероприятий, поскольку Петербург ожидает в ближайшее время разрыва дипломатических отношений с Великобританией [31, с. 154]. К весне 1877 г. ситуация на Балканах накалилась настолько, что стало очевидно: войны с Османской империей России не миновать. И действительно, 12 апреля 1877 г. Российская империя объявила войну Турции, началась Русско-турецкая война 1877–1878 гг.

На момент начала конфликта внешнеполитическая обстановка для России была благоприятной. С Австро-Венгрией имелась договорённость о нейтралитете, Франция восстанавливалась после Франко-прусской войны 1870–1871 гг., Германия внимательно следила за этим процессом восстановления, опасаясь реванша, а Британская империя была заинтересована в ослаблении России, но никак не в очередной войне с ней [12, с. 165–167; 13, с. 174–194].

Однако опыт Крымской войны подсказывал российским военным, что лучше перестраховаться, ибо в случае успехов русской армии позиция Великобритании, имевшей серьёзные торговые и стратегические интересы в Турции, будет становиться всё жёстче. Реальной возможности нанести России ощутимые удары в районе черноморских проливов Босфор и Дарданеллы Британская империя не имела. Сухопутной армии у неё не было, а флот не мог оказать существенного влияния на ведение боевых действий на суше. Тем не менее, оставалась возможность повторения сценария Крымской войны 1853–1856 гг., когда англо-французская эскадра сначала сделала попытку высадить десант в Петропавловске-Камчатском, а затем и в заливе Де-Кастри [10, с. 14–242]. Соответственно, угроза удара британского ВМФ была вполне реальной, а активные действия англичан на слабозаселённых дальневосточных окраинах империи могли нанести серьёзный ущерб российскому имиджу на международной арене и привести к малопредсказуемым дипломатическим последствиям.

Следствием обострения ситуации на Балканах стала активизация боевой подготовки войск Восточно-Сибирского военного округа. Летние сборы войск округа предполагалось провести на самом серьёзном уровне. В своём приказе П.А. Фредерикс настаивал на том, что «все части, назначенные в сборы, должны выйти в оные в *полном составе*».

В рамках их проведения во Владивостоке, важнейшем стратегическом пункте России на побережье Тихого океана, в мае – июле долж-

ны были быть сосредоточены 1-й и 3-й Восточно-Сибирские линейные батальоны, а также 2-я и горная батареи Восточно-Сибирской артиллерийской бригады. Особо отмечалось, что практическая стрельба и фронтовые учения во 2-й и горной батареях указанной бригады, расположенных во Владивостоке, должны быть окончены с таким расчётом времени, чтобы батареи, в последние 15 дней сборов, могли принять участие в совместных учениях с 1-м и 3-м Восточно-Сибирскими линейными батальонами.

Фредерикс обращал особое внимание командиров частей, «что совместное обучение разных родов оружия знакомит с отличительными свойствами каждого из них», а это являлось крайне желательным для подготовки к согласованным действиям непосредственно в боевых условиях. Поэтому он распорядился образовать во Владивостоке, из находящихся там частей, специальный «учебный отряд для манёвров и двухсторонних учений, с применением к местности». Эти мероприятия надлежало провести в последние «15 дней сборов, по окончании курса стрельбы и обучения в составе отдельно каждого батальона и батареи» **(РНБ. Приказ по войскам Вост.-Сиб. в. о. № 74 от 19 марта 1877 г.; Приказ по войскам Вост.-Сиб. в. о. № 108 от 6 мая 1877 г.)**.

После начала войны в военном ведомстве решили заранее провести необходимую подготовку «для обороны нашего восточного побережья, на случай разрыва с морскими державами», и в помощь «учебному отряду» во Владивосток была переброшена ещё и кавалерия из поста Камень-Рыболов – Уссурийская конная казачья сотня. Последняя находилась во Владивостоке до сентября 1877 г. **(РНБ. Приказ по войскам Вост.-Сиб. в. о. № 18 от 19 января 1879 г.; Приказ по войскам Вост.-Сиб. в. о. № 210 от 27 сентября 1877 г.)**. Началось спешное усиление береговой обороны города [1, с. 18–26].

Задаче возможной обороны дальневосточных владений империи от вероятного английского десанта были подчинены и планы военно-учебных мероприятий 1878 г. Так, Уссурийская конная казачья сотня снова должна была участвовать в них в мае – июле в с. Никольское, вместе с 3-м Восточно-Сибирским линейным батальоном и 2-й батареей Восточно-Сибирской артиллерийской бригады. Причём этим трём частям было предписано в течение двух недель производить совместные учения с применением к местности, под руководством командира 3-го Восточно-Сибирского линейного батальона. **(РНБ. Приказ по войскам Вост.-Сиб. в. о. № 58 от 18 марта 1878 г.; Росписание летних сборов войск Вост.-Сиб. в. о. в 1878 г. // Приложено к Приказу по войскам Вост.-Сиб. в. о. № 58 от 18 марта 1878 г.)**.

К январю 1878 г., когда русские войска стремительно приближались к Константинополю, Лондон начал грозить России разрывом дипломатических отношений. 19 февраля 1878 г. был подписан Сан-Стефанский прелиминарный мирный договор между Россией и Турцией, однако напряжённости в отношениях европейских держав и России это не сняло. Поэтому меры по подготовке Дальнего Востока России к отражению возможного английского удара пришлось активизировать.

Весной 1878 г. впервые было мобилизовано Амурское казачье войско, выставившее две сводные сотни от Амурской конной бригады, из Амурского пешего батальона был сформирован действующий 4-ротный батальон, а из Уссурийского – 3-ротный. С началом навигации сотни и Амурский батальон были переброшены в пост Камень-Рыболов, окрестности зал. Посыета и Владивосток [11, с. 160–161]. В свою очередь, Уссурийская казачья конная сотня из поста Камень-Рыболов снова двинулась во Владивосток **(РНБ. Приказ по войскам Вост.-Сиб. в. о. № 18 от 19 января 1879 г.)**.

К апрелю 1878 г. значительная часть имевшихся в Южно-Уссурийском крае войск была стянута к побережью, наиболее важным и в то же время уязвимым пунктом которого считался Владивосток. Там и сосредоточили значительную часть имевшихся в наличии сил: 1-й Восточно-Сибирский линейный батальон (550 чел.), 3-й Восточно-Сибирский линейный батальон (440 чел.), Сибирский флотский экипаж (808 чел.), отряд от Уссурийской казачьей конной сотни (60 сабель), 2-ю батарею и три взвода горной артиллерии Восточно-Сибирской артиллерийской бригады.

В Южно-Уссурийском крае в районе поста Камень-Рыболов и с. Никольское расположились Амурский пеший казачий батальон (4-ротного состава) и одна конная сотня; в Новгородском посту в зал. Посыета и на р. Янчихе – общий отряд, состоявший из Уссурийского пешего казачьего батальона Амурского казачьего войска (3-ротного состава) и Новгородско-Уссурийской местной команды с одним взводом (2 орудия) 3-й горной батареи Восточно-Сибирской артиллерийской бригады (**РНБ. Приказ по войскам Вост.-Сиб. в. о. № 198 от 16 октября 1878 г.**) [1, с. 18–26].

О том, насколько серьёзно положение оценивалось местной властью, говорит тот факт, что 9 апреля 1878 г. в городской думе Владивостока рассматривались вопросы выплаты пособий семьям, предназначенным к выселению из города на случай возможного вторжения неприятеля, и строительстве жителями временных барачков в окрестностях города [20, с. 69–70, 75–76].

В начале июля 1878 г. в столице Германской империи был подписан Берлинский трактат, поставивший точку в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., и русские войска на «далёкой окраине» вернулись в места своей постоянной дислокации. Проводившиеся оборонительные мероприятия не прошли для них даром – войска получили ценнейший опыт сосредоточения для обороны важнейших прибрежных пунктов Южно-Уссурийского края от предполагаемого десанта противника и быстрого передвижения в условиях крайне пересечённой местности при почти полном отсутствии дорог. Опыт этот в дальнейшем был использован при сосредоточении войск Приамурского военного округа в 1885 г., во время очередного обострения англо-русских отношений.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. стала важным рубежом в истории военно-сухопутных сил России на Дальнем Востоке. Если до неё процесс преобразований в находящихся на территориях Восточной Сибири и Дальнего Востока войсках и системе управления ими в целом происходил в рамках общероссийских военных реформ 60–70-х гг. XIX в., а вызванные местной необходимостью мероприятия носили единичный характер, то после войны именно внешнеполитическая ситуация, причём не только на Дальнем Востоке, но и на Балканах, в Средней Азии и на всём протяжении русско-китайской границы определяла как количественный и качественный состав русских войск в регионе, так и скорость, значение проводимых по увеличению их численности и изменению дислокации мероприятий. Таким образом, внешнеполитический фактор стал доминирующим.

Причин было несколько. Во-первых, сами военные реформы 60–70-х гг. XIX в. подходили к концу, что привело к уменьшению количества военных преобразований общеимперского масштаба, а, во-вторых, внешнеполитическая ситуация в Азии становилась всё более нестабильной, что требовало принятия мер, направленных на повышение уровня обороноспособности отдельных регионов империи.

Если подписание Берлинского трактата способствовало ослаблению политического напряжения в Европе, на время стабилизировав от-

ношения с Британской империей, и сняло угрозу английского десанта, то параллельно, из-за застарелых проблем, начали заметно охлаждаться отношения России с Китаем. Сказывался так называемый Кульджинский вопрос.

Положение в Илийском (Кульджинском) крае¹ начало оказывать влияние на обстановку на Дальнем Востоке ещё в конце 60-х – начале 70-х гг. XIX в. Мусульманское население пограничных с Россией районов Западного Китая неоднократно поднимало восстания против цинских властей. Это существенно дестабилизировало обстановку в прилегающих к границе российских владениях и осложняло русско-китайскую торговлю через Синьцзян. Очередное восстание произошло в 60-х гг. XIX в. К 1865 г. масштабы его стали столь крупными, что Китай вынужден был обратиться к русскому правительству с просьбой о помощи в его подавлении. В Петербурге заняли выжидательную позицию, однако действия кашгарского правителя Якуб-бека стали угрожать интересам Российской империи: он при посредстве англичан установил контакты с турецким султаном, пожаловавшим ему титул эмира и наставлявшим в духе объединения всех мусульманских властителей против России, и создал благоприятные условия для исследовательской деятельности англичан по изучению территории и рекогносцировке дорог к российским границам.

Находясь перед угрозой дестабилизации ситуации в среднеазиатских владениях империи и активизации деятельности англичан в соседних с ними областях, Александр II в 1871 г. санкционировал оккупацию Кульджинского края. Русские войска заняли край и его центр – Кульджу. Пекин поставили в известность, что войска будут выведены, когда Китай сам сможет оборонять эти территории. Кульджу предполагалось удерживать до тех пор, пока восстание в Западном Китае не будет подавлено.

В 1876 г., на Особом совещании под председательством военного министра Д.А. Милютин было решено вернуть Кульджу Китаю после подавления им восстания, а взамен потребовать ряд торговых преимуществ и часть территории Илийской долины (важнейшие в военно-стратегическом отношении: долину р. Текес и Музартский проход из Илийского края в Китайский Туркестан).

Восстание в Джунгарии было подавлено в 1878 г. и вопрос о возвращении Кульджи снова встал на повестку дня. В Россию для переговоров был направлен специальный китайский посол Чун Хоу, и 20 сентября 1879 г. в Ливадии был подписан русско-китайский договор. Его условия практически совпали с решениями Особого совещания: Кульджа возвращалась Китаю, а Россия получала небольшой участок Илийского края, долину р. Текес и Музартский проход. Кроме того, российской торговле был предоставлен ряд льгот в Западном Китае, русские купцы получили право беспощинной торговли в Монголии и на р. Сунгари в Маньчжурии. За расходы по управлению краем и содержание там русских войск Дайцинская империя должна была выплатить России 5 млн руб. [12, с. 165–167; 13, с. 62–63; 7, с. 427–459].

Однако официальный Пекин выразил резкое недовольство действиями своего представителя и итоговым текстом договора, что привело к крайнему обострению ситуации на границе двух государств. На российской территории в Южно-Уссурийском крае вдруг резко активизировалась деятельность китайских разбойников-хунхузов. В Маньчжурии китайские войска стягивались к Гирину, Нингуте, Хунчуну. В послед-

¹ В отечественной литературе оба названия применяются как синонимы, так как город Кульджа был центром Илийского края и наиболее важным населённым пунктом на его территории.

нем были «установлены фронтовые занятия», формировалась кавалерия – 200 чел. «Разжалованные нижние чины приняты на службу. В роте обязательно восемьдесят рядовых. Пока 500 будет всего 1000 человек. Оружие всем английское, скоро ждут [в] Хунчуне лошадей, сёдла, ружья, снаряды, деньги», – телеграфировал 7 июля 1880 г. Военному губернатору Приморской области Пограничный комиссар в Южно-Уссурийском крае Н.Г. Матюнин (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 697. Л. 140–142, 158). Фактически, Россия и Китай начали готовиться к войне, усиливая свои войска вдоль границ и разрабатывая планы боевых действий.

22 марта 1880 г. находившийся в Петербурге командующий войсками Восточно-Сибирского военного округа Д.Г. Анучин написал военному министру Д.А. Милютину, что «настоящие отношения с Китаем могут повлечь к недоразумениям и пожалуй вооружённому столкновению на границе Восточной Сибири. Южно-Уссурийскому краю грозит нападение если не регулярных китайских войск, то толпы тех разбойников, которые, к сожалению, в наших пределах могут найти себе сообщников в весьма значительном китайском населении, сидящем между Владивостоком и озером Ханка. Не говоря уже об усложнении вопроса нападением китайцев на Владивосток с моря. Для защиты этого края у нас имеется всего четыре батальона, вооружённых не вполне соответственно современным требованиям науки. Может случиться, что китайские войска, отчасти, будут вооружены даже лучше чем наши». Поэтому он предлагал воспользоваться предстоящим отплытием военных кораблей на Дальний Восток для отправки туда воинских частей, оружия, артиллерии, боеприпасов и снаряжения, а также, пока он ещё в Петербурге, немедленно созвать для обсуждения всех этих вопросов Особое совещание [28, с. 32–33]. Его заседание состоялось уже 14 апреля 1880 г. и на нём был принят ряд важнейших военно-административных решений.

Одновременно в Главном штабе, тщательно проанализировав всю полученную от Анучина и из штаба Восточно-Сибирского военного округа информацию, подготовили в апреле 1880 г. на Высочайшее имя доклад «о мерах защиты Приамурского края и усиления войск Восточно-Сибирского военного округа». Он содержал подробные выкладки о количестве и качестве имевшихся на Тихоокеанском побережье России войск и предусматривал целый комплекс мероприятий по обороне как сухопутной, так и морской границы. 24 апреля Александр II утвердил все предложенные в нём меры [28, с. 34–44].

Направленное в связи с этим в Иркутск предписание подробно разъясняло, какие переформирования войск нужно произвести. Результатом должно было стать создание, в дополнение к существующим частям, Восточно-Сибирской стрелковой бригады 4-батальонного состава (1-й–4-й Восточно-Сибирские стрелковые батальоны), Восточно-Сибирской сапёрной роты, Владивостокской крепостной артиллерийской роты, Николаевской крепостной артиллерийской команды, трёх новых местных команд на о. Сахалин, а также усиление состава и изменение дислокации ряда имеющихся частей. Предписывалось также образовать во Владивостоке крепостное артиллерийское управление, а 1-ю и 2-ю батареи Восточно-Сибирской артиллерийской бригады, независимо от полевых орудий, снабдить каждую четырьмя горными орудиями и иметь запряжёнными по 4 полевых орудия при двух зарядных ящиках на батарею и по 4 горных орудия с полным количеством ящиков. В 3-й горной батарее этой бригады содержать лошадей на все орудия и ящики. Был предусмотрен и ряд военно-административных мер [28, с. 45–50].

Большая часть этой программы была приведена в исполнение в том же 1880 г. Кроме того, во второй половине 1880 г. Д.Г. Анучин

обратился в Военное министерство с представлением о необходимости сформировать ещё одну конную сотню, о которой говорилось в докладе Главного штаба [28, с. 64–67]. 23 октября 1880 г. было Высочайшее повелено сформировать 2-ю Уссурийскую казачью конную сотню [14, с. 90; 15, с. 312]. К началу 1881 г. обе сотни были переименованы в 1-ю и 2-ю Уссурийские конные сотни и окончательно переведены на регулярную основу (РНБ. Приказ по войскам Вост.-Сиб. в. о. № 215 от 15 ноября 1880 г.; ПВВ № 12 от 19 января 1881 г.; ПВВ № 75 от 25 марта 1881 г.) [22, т. 55, № 61736]. К концу весны 1881 г. 2-ю сотню доформировали в Чите и с открытием навигации отправили в Южно-Уссурийский край [28, с. 67].

Параллельно с этим, по предписанию военного министра «с указанием способов обороны устьев Амура и Владивостока», в этих пунктах производились масштабные оборонительные работы [28, с. 56–63; 1, с. 26–48]. Все возможное содействие военному ведомству оказал ВМФ и Доброфлот, на который, в условиях отсутствия железнодорожного сообщения центральных районов империи с территориями Дальнего Востока, ложилась вся тяжесть военных перевозок. Более того, морским ведомством был поднят вопрос об усилении российского военно-морского присутствия в водах Тихого океана и начата разработка планов ведения войны против Китая, вплоть до высадки десанта в районе восточнее Пекина, с целью нанесения удара по коммуникациям войск Ли Хунчжана [18, с. 33–60].

До возможного начала военных действий с Китаем оставалось совсем немного, когда на Особом совещании по вопросу о Кульдже в сентябре 1880 г. министр финансов А.А. Абаза заявил, что для России выгоднее отказаться от торговых преимуществ Ливадийского договора, чем начинать войну с Китаем. Мирные переговоры возобновились, что и привело к подписанию 12 февраля 1881 г. Петербургского договора. Илийский край возвращался Китаю, за исключением незначительной части территории в его западной оконечности. Небольшое исправление границы предполагалось произвести в верховьях Чёрного Иртыша. При этом сумма выплат российской стороне возрастала с 5 до 8 млн руб., а льготы для русских купцов были существенно расширены [6, с. 187–262]. От том, насколько велика была вероятность начала войны говорит тот факт, что дальневосточные военные и чиновники в официальной переписке достаточно часто называли Санкт-Петербургский договор 1881 г. «заключением мира», хотя никакой войны между двумя государствами не было (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 697. Л. 182, 183).

Таким образом, с конца 40-х гг. XIX в. внешнеполитический фактор оказывал заметное влияние на развитие военно-сухопутных сил Российской империи на Дальнем Востоке. После Манзовской войны 1868 г. его роль резко возросла, а после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. он приобрёл решающее значение, став определяющим.

Причина была в том, что внешнеполитическая ситуация на дальневосточных границах России во второй половине 60-х–70-х гг. XIX в. была крайне неустойчивой и характеризовалась большим количеством периодически сменяющихся друг друга угроз. Огромное влияние на неё оказывали последовательно вторая «опиумная» война, восстание тайпинов, комплекс проблем так называемого «Восточного вопроса», а также ситуация в Средней Азии и на всём протяжении русско-китайской границы.

Особой проблемой было находящееся на территории Южно-Уссурийского края и практически неподконтрольное ни русскими, ни китайским властям китайское население, отказывавшееся признать российский суверенитет над этой территорией и соблюдать установленный

порядок и законность. Манзовская война 1868 г. всерьёз обратила внимание на эту ситуацию как местных, так и центральных российских военных и гражданских властей. Однако её окончательное разрешение из-за недостатка сил, средств и упорства местных властей растянулось на долгие десятилетия, в течение которых китайский этнический бандитизм продолжал оставаться на «далёкой окраине» серьёзной проблемой.

В 1878 г. ситуация на Дальнем Востоке чуть было не переросла в боевые действия с Британской империей, поскольку в случае её вступления в Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. удар по тихоокеанскому побережью России был неизбежен, а в 1879 г. – в войну с Китаем. Однако каждый раз, благодаря грамотным действиям внешнеполитического и военного ведомств, ситуацию удавалось стабилизировать буквально в последний момент. Всё это, в свою очередь, приводило к периодическому усилению внимания в столице как к Дальнему Востоку в целом, так и к расположенным на дальневосточных территориях империи русским войскам в частности. Увеличение численности и активизация боевой подготовки последних были напрямую связаны с указанными внешнеполитическими осложнениями и являлись их прямым следствием

Литература

1. Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Часть I. «Назло надменному соседу». 1860–1905 гг. Владивосток: Дальнаука, 2013. 383 с.
2. Авилов Р.С. «Для охранения границ Южно-Уссурийского края сформировать...» История создания и службы регулярной кавалерии на Дальнем Востоке России (1869–1914 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2011. 181 с.
3. Авилов Р.С. Реализация военно-окружной реформы 1862–1865 годов в Восточной Сибири и на российском Дальнем Востоке: создание Восточного Сибирского военного округа. // Вестник ЧелГУ. 2012. Вып. 51. № 16. С. 18–25.
4. Алябьев Г. Далёкая Россия. Уссурийский край. С картою и рисунками. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1872. 116 с.
5. Военная энциклопедия. СПб.: Т-во И.д. Сытина, 1914. Т. 14–15.
6. Воскресенский А.Д. Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 года. М., 1995. 441 с.
7. Гуревич Б.П. История «Илийского вопроса» и её китайские фальсификаторы // Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М.: Мысль, 1982. С. 427–459.
8. Ершов Д.В. Хунхузы: необъявленная война. Этнический бандитизм на Дальнем Востоке. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2010. 254 с.
9. Зайончковский П.А. Военные реформы 1860–1870 гг. в России. М.: Изд-во Московск. ун-та, 1952. 361 с.
10. Защитники Отечества: Героическая оборона Петропавловска-Камчатского в 1854 г.: Сб. офиц. документов, воспоминаний статей и писем. 2-е изд. Петропавловск-Камчатский: Дальневост. кн. изд-во. Камчат. отд-ние, 1989. 270 с.
11. Иванов Р.С. Краткая история Амурского казачьего войска. Благовещенск: Тип. Войскового Правления Амурского казачьего войска, 1912. 221 с.
12. История внешней политики России. Вторая половина XIX века. М.: Междунар. отношения, 1997. 384 с.
13. История дипломатии. Т. II. М.: Госполитиздат, 1963. 820 с.

14. Кавалерия (Кроме гвардейских и казачьих частей). По 1 июля 1914 г. Справочная книжка Императорской главной квартиры. Изд. 3-е. СПб., 1914. 518 с.
15. Казачьи войска. Краткая хроника казачьих войск и иррегулярных частей. По 1 апреля 1912 г. Справочная книжка Императорской Главной Квартиры. СПб., 1912. 480 с.
16. Клименко Н.П. Колониальная политика Англии на Дальнем Востоке в середине XIX в. М.: Наука, 1976. 308 с.
17. Кондратенко Р.В. Манзовская война. Дальний Восток 1868 г. СПб.: «Издательство Остров», 2004. 143 с.
18. Кондратенко Р.В. Морская политика России 80-х годов XIX века. СПб.: Изд-во «ЛеКо», 2006. 344 с.
19. Кондратенко Р.В. Российские морские агенты об усилении японского флота в конце XIX – начале XX века. // Русско-японская война 1904–1905 гг. Взгляд через столетие. Междунар. ист. сб. под ред. О.Р. Айрапетова. М.: Три квадрата, 2004. С. 56–75.
20. Матвеев Н.П. Краткий исторический очерк г. Владивостока 1860–1910 гг. Владивосток: Тип. Н.П. Матвеева 1910. 192 с.
21. Петров А.И. История китайцев в России, 1856–1917 годы. СПб.: Береста, 2003. 960 с.
22. Полное Собрание законов Российской Империи (ПСЗ РИ). Собрание второе (II): в 55 т. СПб.: Тип. II отделения собственной ЕИВ Канцелярии, 1850–1881. Т. 39, 40, 44, 48, 51, 55.
23. Росписание сухопутных войск, исправленное по 25 января 1866 г. СПб.: Военная тип., 1866. 301 с.
24. Росписание сухопутных войск, исправленное по 25 марта 1870 г. СПб.: Военная тип., 1870. 320 с.
25. Росписание сухопутных войск, исправленное по 25 июня 1875 г. СПб.: Военная тип., 1875. 352 с.
26. Росписание сухопутных войск, исправленное по 25 января 1877 г. СПб.: Военная тип., 1877. 375 с.
27. Росписание сухопутных войск, исправленное по 25 апреля 1878 г. СПб.: Военная тип., 1878. 431 с.
28. Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Т. I. Вып. II. Иркутск: Тип. Штаба Вост. Сибирского военного округа, 1884. 351 с.
29. Сборник договоров России с Китаем 1869–1881. СПб.: Тип. Императорской АН, 1889. 271 с.
30. Светлов Р. «Полицейские войны» // Опиумные войны: Обзор войн европейцев против Китая в 1840–1842, 1856–1858, 1859 и 1860 годах. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. С. 358–397.
31. Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907 гг.: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Товарищество научных изданий, КМК, 2012. 454 с.
32. Энциклопедия военных и морских наук: 8 т. Т. 1. СПб.: Тип. Безобразова и комп., 1883. 572 с.
33. Nish J. Politics, trade and communications in the East Asia: thoughts on Anglo-Russian relations, 1861–1907 // *Modern Asian Studies*, Vol. 21, No. 4 (1987) P. 667–678.
34. Menning B.W. "Bayonets before bullets". The Imperial Russian army, 1861–1914. Bloomington: Indiana University Press, 1992. 334 p.
35. Treaties between the Empire of China and foreign powers. 4th edition. Shanghai: "North-China Herald" Office, 1902. 332 p.
36. Wilson A. The "Ever-victorious army". A history of the Chinese Campaign. Lnd. and Edinburgh: William Blackwood and sons, 1868. 395 p.
37. Wolseley G.J. Narrative of the war with China in 1860. Lnd.: Longman, Green, Longman, and Roberts, 1862. 415 p.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Avilov R.S., Ayushin N.B., Kalinin V.I. Vladivostokskaya krepost': vojska, fortifikatsiya, sobytiya, lyudi. CHast' I. «Nazlo nadmennomu sosedu». 1860–1905 gg. Vladivostok: Dal'nauka, 2013. 383 s.
2. Avilov R.S. «Dlya okhraneniya granits YUzhno-Ussurijskogo kraja sformirovat'...» Istoriya sozdaniya i sluzhby regulyarnoj kavalerii na Dal'nem Vostoke Rossii (1869–1914 gg.). Vladivostok: Dal'nauka, 2011. 181 s.
3. Avilov R.S. Realizatsiya voenno-okruzhnoj reformy 1862–1865 godov v Vostochnoj Sibiri i na rossijskom Dal'nem Vostoke: sozдание Vostochnogo Sibirskogo voennogo okruga. // Vestnik CHelGU. 2012. Vyp. 51. № 16. S. 18–25.
4. Alyab'ev G. Dalyokaya Rossiya. Ussurijskij kraj. S kartoyu i risunkami. SPb.: Tip. t-va «Obshhestvennaya pol'za», 1872. 116 s.
5. Voennaya ehntsiklopediya. SPb.: T-vo I.d. Sytina, 1914. T. 14–15.
6. Voskresenskij A.D. Diplomaticeskaya istoriya russko-kitajskogo Sankt-Peterburgskogo dogovora 1881 goda. M., 1995. 441 s.
7. Gurevich B.P. Istoriya «Ilijskogo voprosa» i eyo kitajskie fal'sifikatory // Dokumenty oprovergayut. Protiv fal'sifikatsii istorii russko-kitajskikh otnoshenij. M.: Mysl', 1982. S. 427–459.
8. Ershov D.V. KHunkhuzy: neob'yavlennoy vojna. EHtnicheskij banditizm na Dal'nem Vostoke. M.: ZAO «TSentropoligraf», 2010. 254 s.
9. Zajonchkovskij P.A. Voennye reformy 1860–1870 gg. v Rossii. M.: Izd-vo Moskovsk. un-ta, 1952. 361 s.
10. Zashhitniki Otechestva: Geroicheskaya oborona Petropavlovsk-Kamchatskogo v 1854 g.: Sb. ofits. dokumentov, vospominanij statej i pisem. 2-e izd. Petropavlovsk-Kamchatskij: Dal'nevost. kn. izd-vo. Kamchat. otd-nie, 1989. 270 s.
11. Ivanov R.S. Kratkaya istoriya Amurskogo kazach'ego vojska. Blagoveshhensk: Tip. Vojskovogo Pravleniya Amurskogo kazach'ego vojska, 1912. 221 s.
12. Istoriya vneshnej politiki Rossii. Vtoraya polovina XIX veka. M.: Mezhdunar. otnosheniya, 1997. 384 s.
13. Istoriya diplomatii. T. II. M.: Gospolitizdat, 1963. 820 s.
14. Kavaleriya (Krome gvardejskikh i kazach'ikh chastej). Po 1 iyulya 1914 g. Spravochnaya knizhka Imperatorskoj glavnoj kvartiry. Izd. 3-e. SPb., 1914. 518 s.
15. Kazach'i vojska. Kratkaya khronika kazach'ikh vojsk i irregulyarnykh chastej. Po 1 aprelya 1912 g. Spravochnaya knizhka Imperatorskoj Glavnoj Kvartiry. SPb., 1912. 480 s.
16. Klimenko N.P. Kolonial'naya politika Anglii na Dal'nem Vostoke v seredine XIX v. M.: Nauka, 1976. 308 s.
17. Kondratenko R.V. Manzovskaya vojna. Dal'nij Vostok 1868 g. SPb.: «Izdatel'stvo Ostrov», 2004. 143 s.
18. Kondratenko R.V. Morskaya politika Rossii 80-kh godov XIX veka. SPb.: Izd-vo «LeKo», 2006. 344 s.
19. Kondratenko R.V. Rossijskie morskije agenty ob usilenii yaponskogo flota v kontse XIX – nachale KHKH veka. // Russko-yaponskaya vojna 1904–1905 gg. Vzgljad cherez stoletie. Mezhdunar. ist. sb. pod red. O.R. Ajrapetova. M.: Tri kvadrata, 2004. S. 56–75.
20. Matveev N.P. Kratkij istoricheskij ocherk g. Vladivostoka 1860–1910 gg. Vladivostok: Tip. N.P. Matveeva 1910. 192 s.
21. Petrov A.I. Istoriya kitajtsev v Rossii, 1856–1917 gody. SPb.: Beresta, 2003. 960 s.
22. Polnoe Sobranie zakonov Rossijskoj Imperii (PSZ RI). Sobranie vtoroe (II): v 55 t. SPb.: Tip. II otdeleniya sobstvennoj EIV Kantselyarii, 1850–1881. T. 39, 40, 44, 48, 51, 55.
23. Rospisanie sukhoputnykh vojsk, ispravlennoe po 25 yanvarya 1866 g. SPb.: Voennaya tip., 1866. 301 s.

24. Rospisanie sukhoputnykh vojsk, ispravlennoe po 25 marta 1870 g. SPb.: Voennaya tip., 1870. 320 s.
25. Rospisanie sukhoputnykh vojsk, ispravlennoe po 25 iyunya 1875 g. SPb.: Voennaya tip., 1875. 352 s.
26. Rospisanie sukhoputnykh vojsk, ispravlennoe po 25 yanvarya 1877 g. SPb.: Voennaya tip., 1877. 375 s.
27. Rospisanie sukhoputnykh vojsk, ispravlennoe po 25 aprelya 1878 g. SPb.: Voennaya tip., 1878. 431 s.
28. Sbornik glavnejshikh ofitsial'nykh dokumentov po upravleniyu Vostochnoj Sibir'yu. T. I. Vyp. II. Irkutsk: Tip. SHtaba Vost. Sibirskogo voennogo okruga, 1884. 351 s.
29. Sbornik dogovorov Rossii s Kitaem 1869–1881. SPb.: Tip. Imperatorskoj AN, 1889. 271 s.
30. Svetlov R. «Politsejskie vojny» // Opiumnye vojny: Obzor vojn evropejtsev protiv Kitaya v 1840–1842, 1856–1858, 1859 i 1860 godakh. M.: OOO «Izdatel'stvo AST», 2002. S. 358–397.
31. Sergeev E.YU. Bol'shaya igra, 1856–1907 gg.: mify i realii rossijsko-britanskikh otnoshenij v T'Sentral'noj i Vostochnoj Azii. M.: Tovarishestvo nauchnykh izdanij, KMK, 2012. 454 s.
32. EHntsiklopediya voennykh i morskikh nauk: 8 t. T. 1. SPb.: Tip. Bezobrazova i komp., 1883. 572 s.
33. Nish J. Politics, trade and communications in the East Asia: thoughts on Anglo-Russian relations, 1861–1907 // *Modern Asian Studies*, Vol. 21, No. 4 (1987) P. 667–678.
34. Menning B.W. "Bayonets before bullets". The Imperial Russian army, 1861–1914. Bloomington: Indiana University Press, 1992. 334 p.
35. Treaties between the Empire of China and foreign powers. 4th edition. Shanghai: "North-China Herald" Office, 1902. 332 p.
36. Wilson A. The "Ever-victorious army". A history of the Chinese Campaign. Lnd. and Edinburgh: William Blackwood and sons, 1868. 395 p.
37. Wolseley G.J. Narrative of the war with China in 1860. Lnd.: Longman, Green, Longman, and Roberts, 1862. 415 p.